

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Т. В. Панич

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Документальные тексты в составе сборника рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского

Исследуется комплекс документальных и полемических текстов рукописного сборника конца XVII в., который был создан в связи с церковным рассмотрением дел двух представителей русской культуры «переходного» периода Петра Артемьева и Григория Скибинского. Выявляется структура и состав сборника, дается его характеристика, определяются тематические и текстуальные связи между документальными текстами и литературными сочинениями полемической направленности на религиозно-богословские темы, принадлежащими авторам разных вероисповедных убеждений и культурных взглядов. Рассматриваются типы включенных в сборник документов (челобитные, отписки, постановления церковных соборов), прослеживается степень отражения в них художественного начала; анализируются литературные тексты сборника и характер воздействия на них форм деловой письменности. Взаимоотношения литературы и деловых текстов в конце XVII в. характеризуются как продолжающийся процесс, отражающий особенности литературного развития в этот период.

Ключевые слова: литература XVII в., полемические сочинения, документальные тексты, Евфимий Чудовский, Петр Артемьев, Григорий Скибинский.

О взаимодействии и взаимовлиянии форм деловой письменности и литературы в Древней Руси хорошо известно. Нередко можно наблюдать, как художественный текст в той или иной степени наполняет документальный источник. Это отчетливо прослеживается на примере жанра духовного завещания, в частности завещаний церковных иерархов, в которых литературная составляющая может быть весьма выраженной, а деловая часть отступает на второй план [Морковина, 2003; 2005; Панич, 2012а; 2013]. Не менее заметно выражен и обратный процесс: в основе некоторых памятников древнерусской литературы лежат документальные источники. Рассматривая этот аспект во взаимоотношениях литературы и доку-

Панич Тамара Васильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; istochnik@history.nsc.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 1
© Т. В. Панич, 2015

мента, Е. К. Ромодановская писала: «Документ может быть источником не только для истории литературы, но и для собственно художественного произведения – это наиболее ясный и простой способ его влияния на художественное творчество» [2009, с. 3–4].

Проникновение в литературу форм деловой письменности усиливается с XVI в. и особенно заметным становится в XVII в.¹ В это время с развитием процесса секуляризации, качественными и количественными изменениями жанровой системы происходят перемены во взаимоотношениях деловых и литературных текстов. Некоторые формы деловой письменности испытывают значительное литературное влияние, к тому же все чаще проникают в литературу, приобретая ее функции. Д. С. Лихачев писал: «Движение литературы к документу и документа к литературе представляет собой закономерный процесс постепенного “размывания” границ между литературой и деловой письменностью» [1973, с. 132]. Характер проникновения документа в литературу позднего русского средневековья хорошо виден на примере агиографии, что было убедительно показано в научных работах Е. К. Ромодановской, посвященных выявлению документальных материалов, которые лежали в основе житийного текста. По наблюдению Е. К. Ромодановской, стремление к документальности составляло специфику не только агиографического жанра, но и других литературных жанров в XVII в. [1994, с. 92–96; 1996, с. 141–156; 2011, с. 5–15].

В этом плане большой интерес представляют материалы рукописного сборника конца XVII в., в котором собраны разные типы документов и литературных текстов, что дает возможность на примере конкретных рукописных источников проследить характер взаимоотношений литературы и деловой письменности в данный период. Сборник был подготовлен в кругу московских ортодоксов в связи с рассмотрением духовными властями дел Петра Артемьева и Григория Скибинского, которые примерно в одни годы (Артемьев в 1688–1691 гг., Скибинский в 1688–1696/97 гг.) находились в Европе с целью получения образования. Ради этого оба совершили акт вероотступничества: возможность обучения в европейских университетах (особенно это касалось «высоких наук» – философии и богословия) была обусловлена отречением от православия и принятием католического вероисповедания. Петр Артемьев перешел в католичество и, возвратившись в Москву, проповедовал учение и обряды католической Церкви. Григорий Скибинский, хотя и отрекся от присяги римскому папе, и уверял, что она была вынужденным шагом ради возможности учиться, его все-таки подозревали в неискренности и также готовили документы к церковному собору².

Сборник имел рукописную традицию. Текст его сохранился (с разной степенью полноты) в шести рукописях, датируемых концом XVII – началом XIX в. [Панич, 2008, С. 30–53]. Черновой список сборника находится в Синодальном собрании ГИМ, № 393. В начале XVIII в. была подготовлена новая редакция материалов комплекса. Она представлена единственным списком (хранится в Рукописном отделе БАН под шифром П.1.В.11). Данная редакция, как показал анализ, отражает изначальный замысел составителей комплекса относительно его состава, структуры и идейной направленности, поэтому при рассмотрении текста лучше всего опираться на указанный список.

Состав сборника специфичен. В нем сведены тексты документального и литературного характера, принадлежащие авторам разных религиозных убеждений

---

¹ Данное явление, по мнению Д. С. Лихачева, было связано с развитием вымысла в русской литературе [1973, с. 130–133]. Это наблюдение ученого получило дальнейшую разработку в исследовании Е. К. Ромодановской [1994, с. 83–96].

² До сих пор неизвестно, состоялся ли собор по его делу, однако «сценарий» заседания и соборное определение были подготовлены даже в двух редакциях [Панич, 20126].

и культурных взглядов и отражающие их сложные взаимоотношения. Это представители русской культуры второй половины XVII в. Евфимий Чудовский (который является автором большинства текстов сборника) и его идейные антагонисты Петр Артемьев и Григорий Скибинский.

Структурно комплекс делится на две разные по объему части, каждая из которых включает несколько текстов. Первый блок составляют сочинения, связанные с именем Петра Артемьева. Привожу их перечень:

1) «Ответ на лжущее писание отступника от благочестия восточного, униата же папешского, Новомещанския слободы диакона Петра» (л. 3–19) – сочинение представляет собой полемический ответ Евфимия Чудовского Петру Артемьеву, в котором Евфимий обличал Артемьева в вероотступничестве и разъяснял ему свое отношение к книгам Симеона Полоцкого «Жезл правления» и «Обед душевный» и критиковал отдельные пролатинские суждения их автора;

2) «Показание от святых отцев, яко от единого Отца Дух Святой исходит» (л. 20–28) – полемическое сочинение на тему исхождения Святого Духа, обращенное к латинствующим. Оно как бы продолжает и дополняет «Ответ», где также поднимается тема *filioque*;

3) сочинение без названия³ в форме челобитной от лица Церкви на имя патриарха Адриана, где обличаются религиозные взгляды и антиправославное поведение и деяния диакона Петра Артемьева (л. 29–35);

4) «Выписка вкратце выписана из тетрадей, чтеных пред святейшим Адрианом патриархом и всем священным собором...» (л. 36 – 45 об.) – сочинение также направлено против Артемьева;

5) «Суд и изречение великаго господина, святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго и всея России и всех северных стран патриарха, на отступника от восточнаго благочестия...» (л. 46 – 51 об.). Постановление церковного собора по рассмотрению дела Артемьева;

6) «Отписки» Афанасия Холмогорскаго патриарху Адриану о поведении расстриженного и сосланного по постановлению церковного собора под его приговор в Холмогоры Петра Артемьева (л. 51 об. – 54);

7) «Выпись тетрадей, которыя предложил великому господину, святейшему кир Адриану... диакон Петр Артемиев...» (л. 55 – 71 об.) – разбор-обличение «тетрадей» Петра Артемьева, в которых он по требованию церковных властей должен был изложить свои вероисповедные взгляды;

8) сочинение Евфимия Чудовского, представляющее критический разбор письма Петра Артемьева отцу в Суздаль (л. 71 об. – 78 об.).

Вторая часть комплекса, значительно меньшая по объему, состоит из трех текстов, посвященных Григорию Скибинскому:

1) челобитная Скибинского на имя патриарха Адриана, где он просил о прощении и возможности возвратиться в лоно православной Церкви (л. 79 – 80 об.);

2) полемическое сочинение Евфимия Чудовского, посвященное критике челобитной Скибинского (л. 80 об. – 92 об.);

3) «Изречение истязательное» патриарха Адриана (соборное определение) по делу Григория Скибинского (л. 94 – 104 об.)⁴.

Любопытно, что комплекс указанных текстов включает компиляция, составленная на основе выписок из антилатинского полемического сочинения Нектария Иерусалимского «О главенстве папы» и «Деяний церковных и гражданских» («Церковных анналов») Цезаря Барония (л. 106 – 115 об.). Цитаты из трудов этих

³ В первой редакции сочинение имело название «Моление святыя Церкви на отступника от благочестия Петра роздиакона» (см.: ГИМ. Синодальное собрание. № 393. Л. 80 – 85 об.). В окончательной редакции заглавие по какой-то причине было снято.

⁴ Перечень текстов обеих частей сборника приведен по списку БАН. П.1.В.11.

авторитетных историков и богословов перемежаются собственными рассуждениями составителя данного текста. В нем идет речь о нескольких римских папах X в., восшествие на престол и правление которых, по свидетельству авторов привлеченных трудов, было связано с нарушением церковных канонов и норм христианской этики. И хотя эта компиляция расположена во второй части комплекса, можно с большой долей уверенности говорить о том, что она имеет отношение ко всему тексту сборника, представляя собой своеобразное его заключение. Содержательно сочинение обнаруживает тесную связь со всеми предыдущими текстами, логически продолжая и развивая их полемическую проблематику, дополняя и усиливая аргументацию составителей комплекса. Все указывает на то, что подборка сочинений рассматривалась ими как единая «книга», единый текст, посвященный защите православия от католического влияния, проводниками которого предстают в произведениях сборника Петр Артемьев и Григорий Скибинский.

К документальным сочинениям, входящим в комплекс текстов сборника, относятся, например, челобитные, отписки (письменные отчеты на имя патриарха). Среди литературных текстов можно выделить полемические сочинения на темы религиозно-богословского характера. Представлены и сложные по своей жанровой природе тексты, сочетающие в себе признаки делового и литературного жанров: соборные акты (определения по делу Артемьева и Скибинского), «тетради» Петра Артемьева и др. Несмотря на жанровую разнородность текстов данного комплекса, все они связаны между собой тематически и композиционно.

Следует отметить, что из текстов, относящихся к документам, документальная форма выдержана только в челобитной Григория Скибинского на имя патриарха Адриана. Хотя и здесь можно заметить влияние литературы: отдельными вкраплениями присутствуют образные выражения, которые Григорий использует с целью воздействия на своего высокопоставленного адресата. Например, раскаяваясь в невольном совершенном им вероотступничестве и умоляя патриарха о возвращении в православие, Скибинский сравнивал собственные грехи с язвами, требующими исцеления. Григорий просил послать ему священника Прова, с помощью которого он мог бы духовно исцелиться: «Его же бы врачевством язв моих согрешений могл целбу уллучити и в сообщение паки к телу Церкви, яко уд развращенный, в первое благочиние приити»⁵.

Еще одной формой официально-деловой письменности, представленной в сборнике, являются упомянутые выше отписки. Это две отписки Афанасия Холмогорского патриарху Адриану, в которых он сообщал предстоятелю Церкви о поведении находящегося под его присмотром в Холмогорах Петра Артемьева. Отписки включены в состав комплекса не полностью, а в виде фрагментов, что явствует из их названий: «Выписка из отписки преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорскаго к святейшему Адриану патриарху» (л. 51 об.); «Выписка из отписки того же преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорскаго к святейшему Адриану патриарху» (л. 53 об.). Вторая отписка холмогорского владыки содержит к тому же выписку из полученной им «сказки» («список со скаски отца духовнаго») иеромонаха Соловецкого монастыря Боголепа, который исповедал Артемьева перед смертью. Таким образом, при включении указанных документов в сборник его составители подвергли свои источники обработке, сделав нужную для своих целей выборку.

В тексте отписок хорошо видны элементы литературного влияния. Холмогорский владыка прибегает в отчетах к разнообразным литературным приемам. Он использует уподобления, метафоры, привлекает библейские мотивы и образы,

---

⁵ БАН. П.I.V.11. Л. 79. Далее при цитировании текста указания на листы рукописи приводятся после цитаты в скобках.

с помощью которых дает личностную оценку своего подопечного Петра Артемьева, порой чрезмерно эмоциональную и резко негативную. Так, Афанасий жалуется на бывшего диакона патриарху: «И обретется весьма непотребный и растленный сосуд, срамная главня содомскаго огня, вместилище и орудие противника диавола» (л. 52). В другом месте Афанасий пишет: «Окаянный он Петрушка проклятый весьма обретется по нам необратный ко святой Христовой Церкви, но враг, и лстец, и наветник, и Иуда» (л. 52 об.). Холмогорский архиепископ привлекает и традиционный образ Вавилона в качестве символа, обозначающего высшую степень грехопадения Артемьева. Сообщая Адриану о том, что он в течение нескольких месяцев навещал Артемьева в заточении, ведя долгие увещательные беседы, Афанасий признавался в своем бессилии изменить образ мыслей бывшего диакона и констатировал его духовную гибель. Он писал: «И тако целихом Вавилона и не исцеле, но паче едва сами избавихомся богохранимо от сетей его» (л. 53). После сообщения о смерти Артемьева в Соловецкой тюрьме (21 января 1700 г.), куда тот в итоге был отправлен по указу патриарха Адриана, холмогорский владыка заметил: «И того ради онаго согнившего уда праведно отсеке и истреби его от земли живых. И яко Церковь свою святую православновосточную от соблазнов того избавил» (л. 54).

Очевидно, что полемические тексты сборника были написаны в связи с появлением документов по делу Петра Артемьева и Григория Скибинского, как ответная реакция на них со стороны церковной власти. Например, извет (изветная челобитная) священника Петропавловской церкви Новомещанской слободы Петра⁶, в которой служил диаконом Артемьев, а также письмо Артемьева отцу в Суздаль, положившие начало его преследованию за пропаганду католического вероучения, стали основой написания обличительного сочинения «Выписка вкратце» и других текстов. Челобитная Григория Скибинского послужила причиной написания Евфимием Чудовским полемического сочинения, в котором в резкой форме обличаются взгляды Скибинского, и где он предстает в образе тайного агента римского папы, засланного в Россию с целью борьбы с православием⁷. Таким образом, в данном случае документальные тексты мотивировали создание литературных полемических текстов. Документы здесь также выполняют функцию источников, на основе содержания которых ведется полемика с обоими церковными отступниками. Так, неоднократно в сочинениях комплекса цитируется извет на Петра Артемьева его тезки, священника Петра. Например, автор «Выписки вкратце» приводит некоторые обвинительные пункты из данной жалобы. На эти же сведения извета ссылается и патриарх Адриан в своем соборном «изречении» по делу Артемьева. В текстах сборника не раз фигурируют и фрагменты из частного письма Петра Артемьева к отцу в Суздаль (апрель 1698 г.), в котором он откровенно излагал свой образ мыслей, показывая верность католицизму, нелицеприятно высказываясь о представителях русской православной Церкви⁸. Источником сведений о Скибинском послужила его челобитная при написании Евфимием Чудовским критического ответа («противословия») на «пункты» челобитной. Челобитная нашла отражение также в соборном определении.

⁶ Следует отметить, что сам текст извета не был включен в состав сборника, о его содержании можно судить лишь по цитатам в других сочинениях комплекса.

⁷ В списке БАН, П.І.В.11 (как и в черновом списке) сочинение не имеет заглавия (начало текста: «Сия десять пункты, овчею кожею покровенный волк, учитель латинский, секретарь папешский, Григорий Скибинский во образе изъявления написа»). В списках ГИМ, Синодальное собрание, № I и 346 текст озаглавлен следующим образом: «Опасение или противословие на поданное от Скибинскаго злословное писание».

⁸ Список письма Артемьева (сделанный с автографа) содержится только в черновой рукописи (см.: ГИМ. Синодальное собрание. № 393. Л. 26–36). Публикацию текста см.: [Панич, 2007, с. 166–186].

Интересно, что авторы сочинений сборника опирались и на какие-то другие документы церковного расследования, в частности, на расспросы и показания («расспросные речи») прихожан храма, которые слушали проповеди Петра Артемьева. На это указывает, например, фрагмент из «Выписки вкратце», где (со ссылкой на извет священника Петра) о дерзком поведении Артемьева в храме сообщается следующее: «А по скаске неких прихожан, обращая на вся четыре страны, кричал на люди “Вонмем”, потом поучение говорил с немалой час. И в том поучении похвалял в вере и в чинех поляки, ляхи, литву и ины страны» (л. 36 об.).

Среди текстов, совмещающих в себе признаки документа и литературного сочинения, следует отметить и соборные постановления, в которых наряду с деловой частью (традиционными структурными элементами и формулами определения церковного собора по рассматриваемому вопросу) имеется и литературная составляющая. С помощью различных литературных приемов и средств выражения создается образ представшего перед церковным собором вероотступника, каким он видится автору текста. Соборное «изречение» патриарха Адриана, обращенное к Артемьеву, начинается со следующих слов: «Краставое овча, мотыль-нолюбивый вепрь, самохваляющийся Петр, погибелный сыне, козлищная часть, Новомещанская слободы Петропавловския церкви бывший диакон, ныне же диавол, недостойный имене Петра...» (л. 46). Не менее хлесткими оценочными характеристиками наполнено и обращение к Григорию Скибинскому в слове патриарха: «Зриши ли, о премудрый учителю, како горних ища славиц временных, в долния вечно впал еси пропасти. Не един же ты, но и вся, яже наукам и умству твоему чрез твое учение приобщиившиися с собою низринул еси. И егда прежде погибшими от тебе тамошними не удовольился еси, яко и семо пришед, аки бы под видом покаяния, удицу твоея злохитрости ко прелщению правоверных внедрити чрез написаныя пункты тщишиися всячески» (л. 100 об.).

Выраженное литературное начало имеют и так называемые «тетради» Петра Артемьева. Хотя изначально он должен был в письменной форме, как требовали от него церковные власти, раскаяться в грехе вероотступничества и изложить свое исповедание веры, т. е. написать текст, предполагающий наличие некоторых традиционных формул⁹. Однако Артемьев вместо покаянного исповедания последовательно рассказывает историю своих странствий и духовных поисков. Такое нарушение «чина» было отмечено Евфимием Чудовским, который подготовил критический обзор «тетрадей». По мнению Евфимия, Петр Артемьев построил свое повествование не как исповедание веры, «не прощения прося о своем согрешении у святейшаго патриарха и всего священнаго собора», но в жанре «статейного списка». Чудовский старец писал: «Повелесе ему, Петру, написати своеручно исповедание с покаянием, а он, лукавнуя... лисице подобно, написа не исповедь и покаяние по чину, но аки статейный список» (л. 43 об. – 44). Таким образом, Евфимий Чудовский разглядел явное жанровое сходство текста Артемьева со «статейными списками». А этот жанр, как известно, сочетал в себе черты делового документа и признаки художественного текста [Лихачев, 1954]. Помимо деловой части (официальных отчетов дипломатов или других посланцев и путешественников за рубежом) «статейные списки» в большом объеме содержали в себе также описание пути, путевых наблюдений и впечатлений. Они входили в круг памятников литературы путешествий [Казакова, 1988]¹⁰. Таким образом, «тетра-

---

⁹ В качестве примера такого текста можно вспомнить «вероисповедание» Палладия Роговского, который, как Петр Артемьев и Григорий Скибинский, возвратился из Рима, где находился «ради совершеннаго учения и свидетельства... высоких наук» и также «присягал на унию в римскую веру» [Древняя российская вивлиофика, 1791, с. 153–197].

¹⁰ О статейных списках см. также: [Записки русских путешественников..., 1988].

ди» Петра Артемьева представляют собой сложный по содержанию и жанровой форме текст, в котором сочетаются фрагменты мемуаров, путевых заметок, элементы полемического дискурса.

Особый интерес среди сочинений комплекса представляет текст, написанный в форме изветной челобитной на имя патриарха Адриана от лица Церкви с жалобой на Петра Артемьева. Изветная челобитная, как известно, являлась формой официального документа, содержащего донос или жалобу на кого-то. И хотя автор указанного текста использовал формуляр этого типа документа (со всеми его структурными элементами: формулы адресата и адресанта, основная часть («челобитье») с изложением жалобы и просьбы о наказании виновного и заключение)¹¹, сочинение имеет литературную природу. В данном случае это характерный для XVII в. прием использования делового жанра в литературных целях. С одной стороны, челобитная имеет прямое назначение: автор обращается к патриарху, излагая жалобу на диакона Петра Артемьева. А с другой стороны, это литературный текст, исполненный обличительного пафоса, в котором нарисован образ коварного вероотступника и врага православия. При этом жалоба исходит не от конкретного лица (автора челобитной), а от невесты Христовой – православной Церкви. Текст насыщен цитатами из Священного Писания, традиционными мотивами и образами. Автор использует самые разные приемы: метафорические уподобления, эмоционально окрашенные сравнения, игру рифмами. Можно привести несколько примеров. Так, Петр Артемьев представлен в образе предателя Иуды: «Ныне новопроизникший отступник и мятежник появися вторый Иуда, предатель благочестия православнаго, яко самага Христа, аще убо чином служения и диакон, но дѣлы и умышленми диавол...» (л. 29 – 29 об.). Другой пример: «И воста на мя, яко Авесалом воста на отца своего Давида, сплетает лжи и клеветы сей диаволь угодник, вооружи язык свой злословити не токмо мене, но и все благочестие восточное... И мне вседушно и искренно работающыя и верно служащыя, яко истинно сущыя сыны благочестия моего православныя, оклеветует лживо и устно, яко змий, блюя ядовержно, и писменно, яко пес лая безстыдно, иже народ простой возмущает злоковарно на злодеяния и мятежы, яко научи и еще научает его лжи отец» (л. 29 об. – 30). Автор сочинения от лица Церкви просит патриарха защитить ее от нападок Петра Артемьева, подвергнуть его наказанию: «Сего убо ради прошу и молю блаженство твое, архипастырю мой предобрый... защитити и избавити мя от сего врага моего... Не даждь мя в поругание и посмех злословцу сему, простри руку помощи, изжени врага моего сего от мене в далняя и незнаемая, и малонаселенная места, яко и древнии еретицы осуждахуся от святейших патриархов, место смерти в темницы неприступныя заключахуся и ни с кем ничто глаголати и беседовати попушахуся» (л. 32 об. – 33). Примечательно, что в этом сочинении, как и в других указанных выше текстах, присутствуют выдержки из письма Артемьева отцу в Суздаль и указания на обвинительные пункты из «извета» его тезки – священника Петра.

Из приведенных примеров видно, что документальные и литературные тексты перемежаются в сборнике и связаны между собой текстуально и тематически, что составляет его специфику.

Подводя итоги, можно констатировать, что на материалах рассмотренного рукописного комплекса конца XVII в., в котором так удачно для исследователя сошлись тексты разной жанровой природы, хорошо прослеживаются процессы взаимодействия и взаимовлияния художественных текстов и документов. Мы можем наблюдать, как документы мотивируют появление полемических сочинений, становятся их основой, оказывают на них воздействие. При этом практически все документальные тексты сборника содержат литературные элементы: художест-

---

¹¹ О структуре и формуляре челобитных см.: [Волков, 1974, с. 21–110].

венная струя присутствует в соборных постановлениях, челобитных и отписках. Таким образом, и в конце XVII в. процесс взаимодействия и взаимовлияния литературы и форм деловой письменности продолжается, приобретая свою специфику, что отражает общую картину литературного развития в «переходный» период.

Список литературы и источников

- Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.
- Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 18.
- Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.
- Казакова Н. А.* Статейные списки русских послов в Италии как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // ТОДРЛ. Л., 1988. С. 268–288.
- Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319–346.
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. Л., 1973.
- Морковина О. В.* К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности. Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3–31.
- Морковина О. В.* Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Панич Т. В.* Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.
- Панич Т. В.* Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского (Текстологические наблюдения) // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 30–53.
- Панич Т. В.* Жанр духовного завещания во второй половине XVII в. (завещания патриархов Иоакима и Адриана и воронежского епископа Митрофана) // Сибирский филологический журнал. 2012а. № 3. С. 20–26.
- Панич Т. В.* Две редакции соборного определения по делу Григория Скибинского // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012б. С. 110–134.
- Панич Т. В.* Древнерусские духовные завещания XV–XVII вв. в агиографическом повествовании // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. Вып. 3. С. 34–37.
- Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
- Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 141–156.
- Ромодановская Е. К.* К изучению проблемы соотношения литературы и документа в Древней Руси // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7, ч. 2. С. 3–9.
- Ромодановская Е. К.* К вопросу о выборе деловой формы в литературных сочинениях // Литература и документ. Новосибирск, 2011. С. 5–15.

Список сокращений

БАН – Библиотека Российской академии наук
ГИМ – Государственный Исторический музей

T. V. Panich

**Documentary texts in a collection of manuscripts,
connected with Petr Artemyev and Grigory Skibinsky's cases**

The paper investigates a complex of documentary and polemical texts of the collection of manuscripts created late in the XVII century in connection with the church persecution of two representatives of Russian culture of the «transitional» period Petr Artemyev and Grigory Skibinsky. The author of the paper reveals the structure and composition of the collection, gives its general characteristics, defines thematic and textual connections between the documentary texts and literary works focused on religious and theological polemics and belonging to authors with different religious and cultural views. Also defined are the types of the documents (petitions, formal replies, resolutions of church synods) included in the collection as well as the degree of artistry in the documents. Besides, analysis is made of the literary texts in the collection and of the influence exerted on them by the forms of the documentary texts. The relationship of the literature and the documental texts at the end of the XVII century is characterized as a continuous process, reflecting the features of the evolution of literature at that period.

Keywords: XVII century literature, polemical works, documentary texts, Euphimy Chudovsky, Petr Artemyev, Grigory Skibinsky